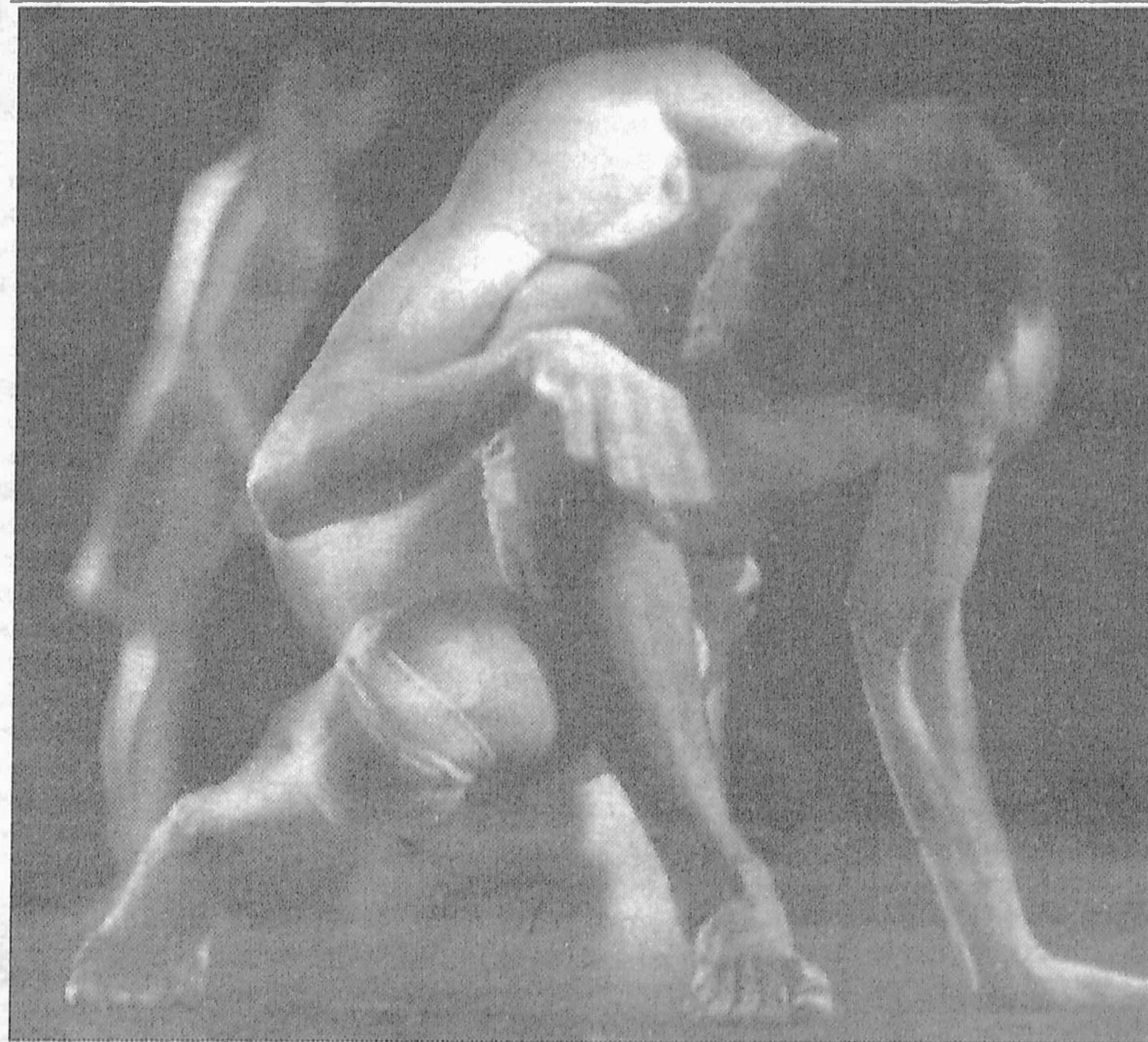

Простые истины в антураже константной зауми

Елена ГУБАЙДУЛИНА

Франкфуртский театр танца с загадочным именем "S.O.A.P." показал в Москве спектакль "Объект константы" (Организаторы гастролей Росинтерфест и Немецкий культурный центр имени Гете). Название ассоциировалось с понятиями точных наук и, одновременно, обещало нечто философское. Философский туман навевали и цитаты из буклета, задумчиво толкующие о непонятном — о множественном видении действительности и об усложнении видимости, достигающемся замедлением процесса узнавания. Стремление подразнить зрителя заумностью действия угадывалось и в самом спектакле. Там многое было вроде бы и ни к чему — мытье голов в аквариумах, игра в вышибалы, меловые черточки на жестяных стенах, сомнамбулические блуждания с цветочными горшками на голове. Все в этом "Объекте" распадалось на отдельные составляющие. Приемчики, одолженные у тотального театра, пластические "хоры", монологи и диалоги, изливаемые на языке танца модерн, словесные комментарии конференсье, похожего на клоуна.

Все существовало само по себе, казалось случайным. Электронное табло над сценой высвечивало перевод отдельных фраз. Над действием зависали то чья-то мечта о голубом домике посреди желтого кукурузного поля. То сентенции о кризисах и стрессах. То отчаянные ругательства. То кокетливые вопросики к публике — "на кого же вы смотрите, на танцовщиц или на танец?" Текст и иллюстрировал происходящее на сцене, и шел с ним вразнобой. Танцовщики становились в строй, замедляя по стойке "смирно" и бежали со

всех ног — друг от друга, от слепящего света, от тяжелых ударов чугунных шаров. Исполнители усердно проговаривали все "вывихи и выверты", заданные хореографом. Тела искажались в мучительной мед-

лительности, или бились в резких судорогах. В редкие минуты спокойствия красиво оплывали в витиеватых подержках, послушных музыки Куна Брандта.

Высказывания перебивали друг

друга, не успевая развернуться. Впадания в транс мешались с наигранным пародированием эстрадных шоу. Тонкую игру световых лучей сменяли вариации на темы стриптиза. Представление дробилось на сценки, эпизоды, реплики и жесты. Автор спектакля Руи Орта (он же художественный руководитель труппы) наивно демонстрировал свои режиссерские методы, не скрывая пристрастия к "шитью белыми нитками". Характер высказываний подчинялся стремительным темпам — все должно схватываться на лету.

Многосмысленность нынче не ко двору. Быть однозначным — удобнее и проще. А для того, чтобы не стать жертвой высокомерных снобов, следует примитивные мысли окружить антуражем сценической зауми. Аквариумы, полотенца, рисунки на жести, погремушки и цветущие кактусы возникали словно сбоку-припеку, будто многоточия между аксиомами. И тогда казалось, что мысль дробится на догадки, междометия, намеки, чуть заметные нюансы эмоций. Что-то неопределенное прихрамывало по ямам и кочкам сбивчивого повествования. Верные слова никак не находили дороги друг к другу.

Главное пробрасывалось, незначительное выскакивало вперед и с безапелляционной наглостью вы-

рывалось на первые места. Банальные выводы о тяготах бытия и бессмыслице существования казались массивными рамами для крошечных рисунков, поймавших два-три оригинальных штришка. Очевидные пластические находки тонули в потоке общих мест танца-модерн. Робкие попытки к самоиронии, ненадолго блеснувшие в речевом сопровождении, затухали в школьной серьезностью. Несочетаемые элементы следовали друг за другом невпопад, без всякой видимой логики, отрицая даже намеки на постоянство. Постановщик спешил поведать обо всем сразу.

Спектакль неотвратимо превращался в иллюстрации к заметкам в блокноте, брошенном в коридоре коммунальной квартиры. К его страничкам приложили руку все, кто проходил мимо. Дети с удивлением открыли известные истины, а взрослые лишь подтвердили их с усталым равнодушием. Объект константы — недостижимый идеал. Постоянна лишь суэта, да и та вся составлена из необязательного мельтешения мгновений.

В финале по сцене катились блестящие ядрышки. Подвеченные софитами, они казались невесомыми, хотя шум не оставлял сомнений в их материальности. Танцоры наступали на них босыми ногами, словно шли по тяжелым гладким каплям и пузырькам, переходя вброд реку времени. Натужный философ "Объекта константы" оказался тонким живописцем изысканных мизансцен. Жаль только, что это несомненное дарование Руи Орта обнаружилось лишь под занавес.

● Сцена из спектакля.